

Все события и персонажи вымышлены.
Любые совпадения случайны.

Операция «Агрессор»

СЕКРЕТНО

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ДИРЕКТОРА
ЦЕНТРАЛЬНОГО РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ ПО РАЗВЕДКЕ

По информации источника сопредельной стороны, в 15-ю группу советских военных специалистов на авиационной базе бешар в соответствии с планом генерального штаба Вооруженных сил советского союза по замене военных советников прибыли военные летчики 1 класса подполковник Г. Николаев — в качестве советника командира авиационного эскадрона, капитан А. Шевцов — в качестве летчика-инструктора эскадрона (в дальнейшем именуемые объект № 1 и объект № 2). Срок командировки 2–3 года.

Прошу сообщить об интересе ведомства к данным объектам в целях подготовки мероприятий по осуществлению вербовки.

Рабат,
резидент

СЕКРЕТНО

РАБАТ, РЕЗИДЕНТУ

Прошу дать указания вашему агенту о проработке вопроса вербовки объектов. Предпочтение — объекту № 2.

Начальник отделения
СССР и Восточной Европы
отдела внешней разведки
оперативного департамента

I

В салоне пассажирского самолета Ту-154 советской авиакомпании «Аэрофлот», выполнявшего полет по маршруту Москва — София — Алжир, в момент мягкого касания бетонки столичного аэропорта Алжирской Республики раздался коллективный вздох облегчения пассажиров, утомленных длительным перелетом. В общей сложности пять с лишним часов, проведенных в воздухе, с промежуточной посадкой в столице Болгарии. Не сравнить, конечно, с перелетом за океан, но все же не всем по силам оставаться практически полдня прикованными к креслу, особенно маленьким детям, которых на борту алжирского рейса было немало.

Объяснялся этот факт очень просто — добрую половину пассажиров составляли военнослужащие Советской армии различных видов Вооруженных сил, направленные Генеральным штабом в так называемую специальную командировку в рамках военно-технического сотрудничества Советского Союза и Алжирской Народной Демократической Респуб-

лики. Среди них было немало молодых офицеров в возрасте двадцати пяти — тридцати лет, чьи дети не вышли еще из возраста дошколят.

Военный летчик-инструктор капитан Алексей Шевцов оформился в командировку без семьи, сумев, как ему показалось, убедить супругу в правильности принятого решения. Прибыл он в Алжир на замену своего однополчанина Виктора Приходько, летавшего в боевом эскадроне на авиационной базе в городе Бешар. Надо сказать, настроение Шевцова было так себе — позади разлука с женой и маленьким сыном, впереди — неизвестность. Да еще этот дурацкий инструктаж в Генштабе в течение двух недель, немалая часть которого отводилась тому, чтобы обучить наших офицеров методике проведения ненавязчивой пропаганды социалистического образа жизни в стране пребывания.

Несколько скрашивало подавленное состояние Алексея знакомство с подполковником Николаевым Григорием Максимовичем, который был направлен в этот же эскадрон в качестве консультанта командира эскадрона и одновременно старшего группы советских военных специалистов на авиационной базе в Бешаре.

После трех дней, проведенных в столице для оформления формальностей в расположении советской военной миссии, связанных с дальнейшим маршрутом, семьсот тридцать седьмой «Боинг», оставив позади Средиземное море и живописный берег Африканского континента, взял курс на юго-запад.

Через полчаса после взлета от субтропического ландшафта не осталось и следа. Вместо этого под крылом раскинулось нечто безжизненное красно-корич-

невого цвета, простирающееся до самого горизонта. Несколько оживляла марсианский пейзаж невысокая горная гряда, отделявшая Алжир от Королевства Марокко. Предположить, что дальнейшая судьба его будет связана с этим государством, Алексею в этот момент и в голову прийти не могло.

Унылая картина за стеклом иллюминатора благотворно подействовала на Алексея, всю последнюю неделю находившегося в состоянии легкого возбуждения от предстоящей встречи с неизвестностью. Он незаметно для себя задремал.

Короткий сон перенес его в недавнее прошлое, связанное со сборами в командировку, расставанием с любимой женой Светланой и сыном Вовкой, которому в текущем году предстояло пойти в первый класс. Жена, конечно, не могла скрыть волнения, пыталась намекнуть на какие-то нехорошие предчувствия. Но, заметив брошенный при этом на нее взгляд Алексея, который всегда пресекал подобные разговоры, умолкла.

Уже через два дня после прилета в Бешар, которые ушли на знакомство с личным составом группы советских военных специалистов, командованием авиабазы и летным составом эскадрона, Шевцов с Николаевым увидели себя в плановой таблице полетов в качестве инструкторов с молодыми летчиками, недавно прибывшими из Союза после окончания летного училища.

Со своим однополчанином Виктором Приходько, готовившимся к отлету домой, Алексей, хотя и недолго, но все-таки пообщался в первый день пребывания на аэродроме. Помимо всего прочего, тот охаракте-

ризовал каждого из алжирских летчиков и руководство авиабазы.

— Обрати внимание на самого молодого командира звена. Его зовут Надир. Он обязательно подойдет к тебе познакомиться поближе. Отлично знает русский язык, хотя и не был в нашей стране, очень общителен. Вроде бы неплохой парень, но скользкий какой-то. Любит очень о Франции рассказывать. Жена его хотя и арабка, родилась, выросла и получила образование в Париже. Держи его на всякий случай на расстоянии — кто его знает, чего ему от нас надо. Но летает смело, уверенно.

— Ты хочешь сказать, что он может быть агентом недружественных нам спецслужб?

— Ничего я не хочу сказать. Вас, вновь прибывших, в ближайшие дни сфотографируют, и несколько снимков вы сами сдадите в их канцелярию. Для чего, не имею понятия — не задавал вопросов и тебе не советую.

— А попыток завербовать кого-нибудь здесь не случалось? — спросил вдруг Шевцов.

— Нет, — несколько поспешно, как показалось Алексею, ответил Приходько. — Но не забывай, что, если между нашими странами существует военнотехническое и экономическое сотрудничество, это не означает, что по линии спецслужб местная сторона не дружит с американцами или французами. Или одновременно с теми и другими, что более вероятно.

Обсуждая свои профессиональные и прочие вопросы, ни Виктор, ни Алексей во время этого разговора еще не знали, что на планете практически созрел очередной болезненный нарыв под названием «Афган», готовый вот-вот прорваться, чтобы через

какое-то время отозваться эхом на богом забытом клочке земли на территории пустыни Сахара, в самой западной ее части. Шел январь тысяча девятьсот семьдесят девятого года.

Действительно, Надир, о котором говорил Виктор, в этот же день подошел к Алексею для более близкого, как он сам сказал, знакомства. Состоялся, в общем-то, ни к чему не обязывающий короткий разговор. Но в последующие дни Надир не упускал случая, чтобы поговорить с Алексеем не о делах, а на отвлеченные темы. Так сказать, за жизнь. Как-то раз в перерыве между полетами Надир пристально взглянул в глаза Алексея и спросил в упор:

— Скажи, товарищ Шевцов, ты из кей джи би?

Не понявший сразу вопроса, но через секунду все-таки сообразивший, что «кей джи би» есть не что иное, как английская аббревиатура КГБ, и не ожидавший такого поворота в разговоре, Алексей на мгновение оторопел. Но тут же, давая понять собеседнику, что воспринял его неожиданный вопрос как шутку, ответил:

— Нет, Надир, я из ЦРУ.

Оба весело рассмеялись и на этом разошлись. Но через несколько дней при очередном общении Надир опять совершенно не к месту произнес:

— Нет, Алексей, все-таки ты работаешь на кей джи би.

— Да с чего ты взял, Надир? — не выражая никаких эмоций, спросил Алексей. — Я вообще-то летчик-инструктор, если ты до сих пор этого не понял.

В ответ Надир хитро улыбнулся, погрозил, как бы в шутку, пальцем и удалился. Постепенно он ненавязчиво выяснил практически все о личной и семей-

ной жизни Алексея и сам много рассказывал о себе. Поначалу Шевцова напрягало такое внимание к своей персоне, но потом эти взаимоотношения приобрели вполне естественный характер, учитывая, что Надир свободно владел русским языком и его услугами часто приходилось пользоваться как Алексею, так и Николаеву, поскольку переводчик на всю группу советских военных специалистов был один и не мог разорваться на части.

* * *

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО,
ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ

РУКОВОДИТЕЛЮ
ОПЕРАТИВНОГО ДЕПАРТАМЕНТА

В связи с обращением президента афганистана к руководителям советского союза с просьбой о прямом военном вмешательстве и задачей, поставленной центральному разведывательному управлению по выработке мер дискредитации советского руководства в глазах мирового сообщества, прошу ваших указаний резиденту в работе активизировать мероприятия по вербовке ранее упомянутых объектов на территории авиабазы бешар.

Руководитель
Разведывательного департамента

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ОПЕРАТИВНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ
ЦЕНТРАЛЬНОГО РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛЕНИЯ
СССР И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
ОТДЕЛА ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

По информации источника сопредельной стороны, проводимые мероприятия по вербовке ранее упомянутых объектов на авиабазе бешар положительных результатов не принесли.

Прошу ваших указаний.

Рабат, резидент

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО,
ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ

РУКОВОДИТЕЛЮ
ОПЕРАТИВНОГО ДЕПАРТАМЕНТА

В связи с разрабатываемой центральным разведывательным управлением операцией «факел» прошу вызвать резидента в рабате для консультаций в части, касающейся запланированной акции в отношении объекта № 2 на авиационной базе бешар по плану «б».

Руководитель
Разведывательного департамента

* * *

Алексей доложил об окончании задания, одновременно выполняя левый разворот в сторону приводной радиостанции аэродрома, неотрывно следя

при этом за стрелкой автоматического радиокompаса. Ночь была безлунной, темной. Эскадрон только начал ночные полеты, и, прежде чем приняться за обучение летного состава, Шевцов с Николаевым выпросили себе полеты на боевом самолете для восстановления утраченных навыков. В соседней пилотажной зоне выполнял полет Григорий Максимович, закончивший задание несколько раньше и теперь заходивший, судя по радиообмену, на посадку. В воздухе больше никого не было.

Шел второй год их командировки. Оставалось пережить еще одно лето с его ужасающей жарой и практически нулевой влажностью. Ну а там осень, и не за горами зима, означающая скорое возвращение на родину. Алексей после первого года командировки побывал в отпуске и вернулся все-таки без семьи, справедливо полагая, что здешний климат не для детей и молодых женщин.

Николаев собирался отбыть на отдых после нескольких ночных смен, подготовив командира эскадрона и его заместителя в качестве инструкторов для обучения летного состава полетам ночью, снизив тем самым нагрузку на Шевцова. Летать приходилось на износ, поскольку летчиков в эскадроне значительно прибавилось за счет очередных выпускников летного училища, прибывших из Союза, которых надо было вводить в строй.

Услышав, что Николаев получил разрешение на посадку, Алексей в очередной раз взглянул на стрелку автоматического радиокompаса. «Чертовщина какая-то», — промелькнуло в голове. Сравнив пеленг приводной радиостанции с показанием курсовой системы, понял, что его истребитель пытаются увести

в Марокко. До государственной границы оставалось меньше тридцати километров. Не обращая внимания на показания радиокompаса, Алексей вышел на аэродром визуально, зашел на посадку.

Рассказав о том, что произошло, Николаеву, Алексей спросил, что он об этом думает.

— Не знаю, Леша. Похоже на то, что на ближайшем марокканском аэродроме врубили привод на аналогичной частоте с мощностью, превышающей мощность нашей станции. Я в это время тоже был в воздухе, но уже на малой высоте, поэтому мой радиокompас не мог перестроиться на их привод. Когда Беленко угнал МиГ-25 в Японию, все знали, что за этим истребителем американцы давно вели охоту. Но МиГ-21 — прошлое поколение, в военно-воздушных силах США целая эскадрилья таких МиГов. Правда, более старых модификаций. Да и то не факт — нам просто не все известно. Но уж точно, если и есть попытка подготовки какой-то акции, то не марокканцы занимаются ее организацией. Короче говоря, через несколько дней один остаешься — будь внимателен. Я вообще-то рассчитывал без отпуска обойтись, но у жены со здоровьем не очень, надо хотя бы месяц с ней побыть. Да и устал немного, если честно.

— Не беспокойтесь по этому поводу, Григорий Максимович, все будет нормально. — Шевцов на несколько мгновений задумался, словно что-то вспоминая. — Я вот о чем давно хотел спросить: как вы относитесь к Надиру?

— Да одинаково я отношусь ко всем летчикам, Леша. Ну, а что о Надире сказать? Летчик он сильный по сравнению с некоторыми, хорошо к нам

относится. Я бы даже сказал, с большим уважением. Как командир звена — в этом смысле над ним надо еще поработать. В качестве инструктора он не готов еще летать, сам знаешь не хуже меня. А в связи с чем ты спросил о нем?

— Да так... Вспомнил кое-что.

Шевцов так и не успел поговорить о Надире с Николаевым перед его отлетом в отпуск. Он и сам не до конца был уверен в том, стоит ли придавать значение тому, о чем хотел рассказать шефу.

Вскоре наступили дни, когда температура наружного воздуха поднялась настолько, что даже ночные полеты планировать не представлялось возможным. В связи с этим командир базы принял решение отправить летный состав в очередные отпуска, оставив в эскадроне лишь одного командира звена. Это был Абдалла, старший лейтенант, самый старший по возрасту в эскадроне, которому было уже около сорока лет.

По характеру Абдалла был очень спокойным, рассудительным, не любил много говорить, что свойственно большим людям. Поэтому Алексей был рад тому, что остался, так сказать, на хозяйстве в эскадроне именно с этим летчиком. Ну и конечно, не могло не обрадовать то обстоятельство, что появилась возможность отдохнуть от полетов, то есть просто-напросто повалять дурака. Он все так же вместе с инженерно-техническим составом каждый день выезжал на базу, да и большую часть времени проводил у них в ангаре, где можно было в кругу своих ребят расслабиться и поиграть в нарды. Когда приходилось в столовой во время обеда или в других местах

сталкиваться с Абдаллой, тот, хитро прищутив глаза, спрашивал:

— Все нормально, товарищ Шевцов?

— Все в порядке, Абдалла, — отвечал Алексей, и они расходились каждый по своим делам.

* * *

Но через несколько дней праздной жизни Абдалла сказал Алексею, что есть разговор.

— Я слушаю тебя, Абдалла.

— Надо немножко полетать, камарад. — Именно так Абдалла в основном обращался к Алексею по служебным делам.

Алексей удивился, но спокойно сказал:

— Да я, в принципе, не возражаю. Что, есть в этом необходимость? Ведь температурка — мама не горюй!

— Что такое «мама не горюй»? — с трудом выговорил, насторожившись, Абдалла.

Шевцов даже несколько растерялся от такого вопроса, но понял, что для иностранцев многие устойчивые русские выражения недоступны по смыслу. Надо было объяснять.

— Ну, это означает, что очень жарко и моя мама будет сильно расстроена из-за того, что мне придется летать в нарушение летных законов.

Абдалла недоверчиво покосился на Алексея:

— Сегодня ночью произошло нарушение нашей границы со стороны Марокко — пара «Миражей» прошла над базой на предельно малой высоте и, развернувшись, скрылась на своей территории.

— А как же ваши зенитно-ракетные комплексы по периметру аэродрома?

Абдалла с досадой отмахнулся, но от него не ускользнул возникший у Шевцова интерес к сообщению о «Миражах». Выдержав небольшую паузу, он продолжил:

— По распоряжению командующего округом мы должны выполнить несколько полетов по определенному маршруту в составе пары — по одному полету в день. Наши соседи в Марокко не должны знать, что на базе не осталось летчиков.

— Я понял. Изобразим интенсивную летную деятельность двумя истребителями.

Абдалла молча достал из кармана комбинезона карту.

— Ты уже и маршрут проложил? Ну, показывай.

Взглянув на карту, Алексей нахмурился. После первого поворотного пункта в ста километрах северо-восточнее аэродрома второй участок маршрута был проложен с западным курсом вплотную к самой границе с Марокко с последующим отворотом влево на привод аэродрома.

— Что-то я не понял, Абдалла, мы же границу нарушим, она здесь точно по горной гряде идет. А третий участок маршрута у тебя проходит вдоль этой гряды с той стороны. Я смотрю, там и населенный пункт какой-то обозначен — мы точно на него выскочим. А после разворота нам в задницу загонят ракеты «земля — воздух».

— Не думай о границе. Работ по ее демаркации здесь никто никогда не проводил, поэтому граница весьма условная. А в населенном пункте этом ракетных частей нет. Там военных вообще мало — только пограничники.

— Высота полета какая?

— Высота предельно малая, скорость — тысяча. Радиолокационные прицелы должны быть включены на излучение.

— Ну начинается! Что-то ты темнишь, Абдалла. Если там, как ты говоришь, нет военных, за каким чертом мы будем включать прицелы на излучение? Баранов пугать? Ты только подумай — пара истребителей несется со стороны враждебного государства с включенными радиолокационными прицелами. Какие ассоциации могут возникнуть у тех, кто контролирует воздушное пространство? Интересно, как ты себе представляешь полет на предельно малой высоте над горами?

— Смотри внимательно, Алексей. Здесь имеется разрыв в горной цепи — через него мы прорвемся в долину, где расположен городок. А перед ним русло высохшей реки, видишь? Входим в левый разворот с максимальным креном — и дальше по реке. Всего на протяжении пяти километров вдоль гор, затем она поворачивает в нашу сторону. Значит, там имеется тоже небольшой разрыв в горах — реки вверх не текут. Через это ущелье мы и пересечем границу в обратную сторону.

— Короче говоря, сегодня ночью пара «Миражей» прошла над нашей базой, и мы должны ответить визитом вежливости. Так?

— Ну правильно ты все понял.

— Только я не понял, на хрена такие сложности? На предельно малой... Прицел... Если зенитно-ракетные комплексы там отсутствуют? Ты понимаешь, что мне голову оторвут в Москве, если что случится?

— Все будет нормально, два года назад я выполнял полеты по этому маршруту. Как видишь, живой. —

Абдалла хитро сощурил глаза. — Но ты можешь отказаться, я не обижусь.

— Ладно. Допустим, уговорил. Ну тогда так, Абдалла: задачу, надеюсь, действительно поставленную командующим округом, мы будем выполнять, но с одним условием. Поскольку ты все знаешь, летишь ведущим. А я уж как-нибудь удержусь в строю. Когда первый полет?

— Завтра с рассветом.

* * *

Лишь только первые лучи восходящего солнца скользнули по красной пустынной поверхности, они взлетели, разорвав утреннюю тишину ревом двигателей на форсажном режиме.

После первого поворотного пункта, с заблаговременно включенными прицелами на излучение, пара истребителей заняла высоту сто метров еще до горного участка и ворвалась в небольшую долину практически через ущелье, которое Абдалла назвал «разрывом в горной цепи», продолжая снижаться и разгонять скорость до тысячи километров в час.

Впереди прямо по курсу Алексей увидел несколько десятков строений, за которыми возвышалась очередная горная гряда. И хотя высота их не превышала шестисот-восьмисот метров, возникло ощущение, что они с Абдаллой оказались в западне. Горы были повсюду — впереди, слева, справа. Нестерпимое желание хватануть ручку управления на себя для набора высоты остановила лишь мысль о том, что марокканцы могли вдогонку загнать в сопло двигателя ракету «земля — воздух». Зная безбашенный характер алжирских летчиков, в версию Абдаллы

об отсутствии марокканских средств ПВО в приграничной полосе Шевцов все-таки не очень хотел верить.

Энергично введя самолет в левый разворот с максимальным креном и перегрузкой, Абдалла начал прижиматься к земле. Выдерживая, как положено, превышение относительно ведущего, Алексей бросил взгляд на указатель скорости — стрелка застыла на отметке «1000». Он глянул вперед, надеясь увидеть какую-нибудь щель между горами, куда устремлялась река, как вдруг заметил, что самолет Абдаллы и его тень на земле стремительно сближаются, а за хвостом поднимается пыль. И хотя весь полет выполнялся в режиме радиомолчания, он не выдержал и вякнул что-то про высоту.

Напряжение в эти секунды было таким, что Алексей вдруг поймал себя на мысли, что молится их Аллаху. Он всерьез поверил в его существование, когда в считанные секунды они оказались в ущелье, а еще через мгновение выполнили «горку», стремительно уходя от земли! Марокканская граница осталась далеко позади, впереди открылась панорама бескрайних просторов такой загадочной и невероятно в этот момент родной и прекрасной пустыни Сахара.

Алексей проконтролировал остаток топлива. Почувствовав, как насквозь мокрый от пота комбинезон прилип к спине, он мысленно перекрестился, все-таки по православному обычаю обругав себя при этом нехорошими словами за то, что согласился участвовать в этой аванюре. Первым желанием после приземления было послать ко всем чертям Абдаллу вместе с командующим округом и их демонстрационными полетами. Но, ощутив твердую почву под

ногами и тридцатиградусную утреннюю прохладу после температуры в кабине под семьдесят градусов и увидев идущего ему навстречу как ни в чем не бывало улыбающегося Абдаллу, Алексей понял, что не откажется от последующих полетов. «Чертов адреналин», — вспомнил он лекцию авиационного врача о воздействии этого гормона на центральную нервную систему.

— Как самочувствие, камарад? — спросил Абдалла, спрятав легкую ухмылку в пышные усы.

— Все в порядке, — бодро ответил Алексей. — Завтра по этому же плану?

— Нет, послезавтра. Завтра отдыхаем.

— Ну, как скажешь. — Алексей понял, что командование округа будет ждать реакции сопредельной стороны, и направился в ангар посмотреть, чем занимается инженерно-технический состав.

В ночь перед полетом Шевцов долго не мог заснуть. Он несколько раз выходил на балкон покурить, долго любовался звездным небом. Потом вспомнил, что вечером случайно в окно увидел Надира, заходящего в свой подъезд, — он жил в том же доме, что и Абдалла. Алексей не придавал этому значения, а сейчас вдруг разглядел в этом факте какую-то странность, поскольку обычно местные летчики, уходя в отпуск, ни дня не задерживались в Бешаре, стремясь сразу же улететь на средиземноморское побережье или во Францию, где жили их родственники. Он решил написать очередное письмо жене, но не закончил его, потому что внезапно навалился сон. Не теряя времени, Алексей прыгнул в кровать.

Взлет произвели раньше, чем в прошлый раз, еще затемно, в расчете, что начнет светать только при пересечении границы. В воздухе Алексей включил подачу чистого кислорода и несколько взбодрился.

Как и рассчитывали, при подходе к горному массиву забрезжил рассвет, но они с Абдаллой не учли, что при снижении на предельно малую высоту сразу после пересечения границы будут отрезаны от востока горной цепью и окажутся практически в темноте.

При выполнении левого разворота, находясь в строю с превышением, Алексей с трудом на фоне земли удерживал в поле зрения камуфлированный самолет ведущего, поскольку заранее обеспечил себе дистанцию разомкнутого порядка, но вскоре потерял его.

Отойдя во внешнюю сторону и продолжая напряженно осматривать переднюю полусферу, в следующее мгновение ощутил удар. С какой стороны он пришелся, Алексей не понял, но в том, что истребитель потерял управление, убедился мгновенно. Он прижался к спинке кресла и с силой дернул ручки, приводящие в действие систему катапультирования.

Увидев над головой купол парашюта, заметил далеко впереди по курсу яркую вспышку, тут же превратившуюся в огненный факел, и подсознательно успел отметить, что столкновения с ведущим все-таки не было. Больше ни о чем Алексей подумать не успел.

Приземления он не почувствовал. Понял только, что падение прекратилось из-за того, что купол парашюта за что-то зацепился. Через мгновение раздался треск... От резкой боли в ногах, отдавшейся в поясницу, Алексей потерял сознание.

II

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО,
ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ

ОПЕРАТИВНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ
ЦЕНТРАЛЬНОГО РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛЕНИЯ
СССР И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
ОТДЕЛА ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

Акция по выведению объекта № 2 из структуры авиационной базы бешар завершена. Есть некоторые осложнения, объект госпитализирован.

Рабат,
резидент

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО,
ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ

РАБАТ, РЕЗИДЕНТУ

Прошу сообщить подробности акции по объекту № 2, в дальнейшем именуемому «пациент», и перспективы его использования в операции «факел».

Начальник отделения
СССР и Восточной Европы
Отдела внешней разведки
Оперативного департамента

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО,
ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ

ОПЕРАТИВНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ
ЦЕНТРАЛЬНОГО РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛЕНИЯ
СССР И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
ОТДЕЛА ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

При приземлении после катапультирования в горной местности у пациента открытый перелом обеих ног. В результате закрытой черепно-мозговой травмы наблюдается потеря памяти. Спецслужбами рабата пациент доставлен в центр допросов управления контрразведки в темаре, помещен в госпиталь центра.

Определить перспективу использования пациента в операции «факел» в настоящее время не представляется возможным. После излечения и реабилитации пациента требуется всестороннее обследование.

Рабат,
резидент

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО,
ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ

РАБАТ, РЕЗИДЕНТУ

В силу геополитических причин операция «факел» отложена на неопределенный период. Прошу обеспечить пациенту надлежащий медицинский уход под нашим контролем. Допросы сотрудниками центра исключить, контакты пациента ограничить медперсоналом. Вопрос перебазирования

пациента будет решен дополнительно, после медицинского заключения о возможности транспортировки.

Начальник отделения
СССР и Восточной Европы
Отдела внешней разведки
Оперативного департамента

* * *

По широкой магистрали из столицы Марокко в южном направлении на большой скорости мчался черный «Мерседес» представительского класса с двумя звездно-полосатыми флажками на капоте. За рулем сидел брюнет неприметной внешности лет сорока, сотрудник американского посольства в Рабате Джейсон Браун. На пассажирском сиденье рядом с ним дремал светловолосый широкоплечий крепыш, на вид моложе водителя лет на пять.

Не доезжая до небольшого городка, расположенного на океанском побережье южнее столицы, «Мерседес» свернул влево и продолжил движение по неширокой прямой, как стрела, дороге, разрезающей обширный лесной массив.

— Это их национальный парк, — увидев, что пассажир проснулся и с недоумением смотрит по сторонам, произнес Браун.

— Послушай, дружище, за каким хреном меня выдернули с насиженного места, заставив пересечь столько часовых поясов? — не проявив интереса к национальному достоянию королевства, спросил крепыш. — Я до сих пор не могу выйти из сонного состояния после перелета.

— Как я тебя понимаю, Алекс! — засмеялся Браун. — После привлекательных китайнок вдруг ока-

заться в окружении женщин, закутанных в хиджаб. Кому это может понравиться!

Алекс Тэйлор последние три года работал в Пекине в оперативной группе Центрального разведывательного управления под крышей генерального консульства. До перехода на службу в ЦРУ был военным летчиком, летавшим на истребителях различных типов. В свое время выучил русский язык, поскольку начинал работать в отделении СССР и Восточной Европы в оперативном департаменте. Там он и познакомился с Брауном, с которым впоследствии возникли дружеские отношения и который в настоящее время успешно совмещал должность третьего секретаря посольства с работой в качестве помощника резидента ЦРУ. Когда шеф попросил его подыскать надежного человека для контроля за лечением пациента в госпитале «Центра допросов марокканского Управления контрразведки» и последующей плотной работы с ним, лучшей кандидатуры, чем Алекс Тэйлор, не нашлось.

Они подъехали к воротам, перед которыми помимо знака «Проезд без остановки запрещен» на информационном щите красовалась предупредительная надпись на арабском, английском и французском языках: «Стой! Проезд и проход запрещен. Стреляем без предупреждения!»

Тэйлор вопросительно взглянул на Брауна.

— Все в порядке, Алекс. Формально Центр находится под юрисдикцией марокканской контрразведки, но...

— Я понял тебя, Джейсон. Кто платит, тот и заказывает музыку.

Они поднялись на второй этаж трехэтажного здания с колоннами, где их встретила молоденькая женщина в белом халате и, поздоровавшись на английском языке, молча провела по длинному коридору к помещению с номером 10 на двери. Алекс узнал в ней соотечественницу. Перед тем как открыть дверь палаты, женщина предупредила:

— Пациент спит после повторной операции. Он так ничего и не вспомнил. Мистер Гонсалес сказал, что после операции раньше чем через неделю больного не стоит беспокоить.

— Хорошо, Бетти. Мы только взглянем на пациента. А с доктором мы можем поговорить?

— Сожалею, но мистер Гонсалес недавно уехал домой отдыхать — операция была сложной. Будет завтра.

В палате Алекс увидел молодого парня, спящего под капельницей, со следами недавних ссадин на лице и, несмотря на глубокий послеоперационный сон, остатками гримасы, свидетельствующей о перенесенной физической и, вполне возможно, душевной боли. Простояв возле кровати больного не более минуты, гости вышли из палаты и спустились на первый этаж, где Браун показал Алексу его апартаменты для временного проживания, которые были ничуть не хуже люксового номера в пятизвездочном отеле.

Перенеся в номер вещи Алекса, умещавшиеся в двух чемоданах, друзья присели на скамейку в тенистой аллее с тыльной стороны госпитального здания.

— Ну, и что все это значит? — спросил Алекс после того, как Джейсон не спеша закурил сигару.

— Парень этот — русский летчик-истребитель, капитан Шевцов Алексей. Около тридцати лет. Женат, имеет сына. Прибыл в спецкомандировку на алжирскую авиабазу с дислокацией в Бешаре полтора года назад, без семьи. Когда началась возня русских вокруг Афганистана, наши решили заполучить его с помощью агентуры. Для каких конкретных целей, можешь не спрашивать — я об этом ничего не знаю. Мероприятия по вербовке оказались безрезультатными, попытка во время ночных полетов заманить его на территорию Марокко с помощью приводной радиостанции тоже ничего не дала. После этого была проведена акция с помощью еще одного нашего агента, который спланировал полеты с нарушением марокканской границы. Первый полет в составе пары был пристрелочным. Во время второго прохода над территорией Марокко оба были сбиты ракетами класса «земля — воздух». Наш агент погиб, Шевцов уцелел благодаря тому, что в сопло его истребителя вошла ракета без боевой части, то есть болванка, что и было предусмотрено. Отделался, можно сказать, легким испугом, сломав обе ноги при приземлении после катапультирования. Но сильно головой ударился — есть подозрение, что имеет место потеря памяти. Только непонятно еще — частичная или полная.

— А почему алжирского летчика сбили? Для чего понадобилось устранять такого ценного агента?

— Видишь ли, Алекс, я уже сказал тебе, что конечная цель этой акции мне неизвестна. Поэтому могу лишь догадываться, что будут зачищены все концы во избежание возможной утечки на случай, если русские

начнут глубоко копать обстоятельства исчезновения своего военнослужащего.

— И какова моя роль в этом деле?

— Очень простая. Во-первых, следить за тем, чтобы условия содержания пациента были максимально комфортными. Во-вторых, исключить всякие контакты с больным, кроме медперсонала. Если будут попытки местных спецслужб допросить летчика, немедленно пресечь. Но основная твоя задача — установить с ним, как только появится возможность, психологический контакт. Ограничений никаких. Можешь даже на чем свет стоит ругать наш Белый дом — главное, чтобы этот парень доверился тебе независимо от того, восстановится у него память или нет. Связь будешь держать со мной. Лечащего врача зовут Майкл Гонсалес, старшую медсестру — она нас встречала — Бетти Вильсон.

— Замужем?

— Почему я других вопросов от тебя больше не ждал?

— Может быть, потому, что я холостяк? — засмеялся Алекс.

— Ты не просто холостяк. Ты — законченный бабник!

Разговор прервал подъехавший к зданию госпиталя джип, из которого вышел в сопровождении двоих автоматчиков мужчина средних лет арабской наружности в белом костюме. Он приветливо поздоровался с американцами, не подходя к ним близко, о чем-то поговорил с охраной. Затем спросил у Брауна:

— Джейсон, ваша контора по-прежнему против того, чтобы мои люди допросили русского летчика?

— Ты прав, Салим! Наша контора категорически на этом настаивает.

— Но ведь он нарушил государственную границу нашего королевства, а не Соединенных Штатов Америки!

— И опять ты прав. Но мы с тобой оба знаем, что русский не хотел ее нарушать. Как у вас принято говорить — на все воля Аллаха! И вообще — ваш король в большом долгу перед нашей конторой, о чем ты знаешь не хуже меня. Напомни еще раз своим людям, чтобы они держались подальше от русского летчика и моего человека. — Браун положил руку на плечо Алекса. — Надеюсь, ты уже видел предписание своего руководства.

— О'кей! — пробормотал себе под нос араб, исподлобья бросив взгляд в сторону незнакомца.

Когда джип уехал, Джейсон пояснил:

— Это директор Центра допросов, Салим Аббас. Ненавидит американцев и все время бесится, оттого что никак не удается нам напакостить.

— Я обратил внимание на его испепеляющий взгляд, — ответил Алекс.

— Не бери в голову и гони в шею всех, кто будет пытаться проявить интерес к Шевцову. Оружие при тебе?

— Конечно!

— Можешь смело применять его в случае необходимости, потому как госпиталь — территория США. Кроме Шевцова здесь сейчас находятся на излечении несколько наших оперативников после какой-то операции в Центральной Африке.

* * *

По договоренности с начальством Алекс Тэйлор не общался с Шевцовым, пока тот не начал ходить после снятия гипса без помощи костылей, но еще с тростью. До этого Алекс наблюдал за русским летчиком лишь со стороны, а общался с ним только медперсонал. Но все вопросы, которые могли возникнуть к русскому, в обязательном порядке должны были согласовываться с Алексом.

Все, что к этому времени должно было стать известно Алексею, — он был найден в горах без сознания, без документов, и его личность до сих пор не установлена. Вопросы, связанные с настоящей его профессией, были под строгим запретом до момента, пока специально созданная врачебная комиссия не придет к окончательному выводу, что Шевцов не валяет дурака и амнезия на самом деле имеет место.

Сомнения в этом вопросе возникли у Джейсона Брауна, курировавшего начальный этап операции, и не без оснований. Во-первых, разработанный сценарий не предполагал такого развития событий. Во-вторых, поведение русского летчика после того, как он окончательно пришел в себя, показалось Брауну более чем странным: Шевцов лишь поинтересовался у Бетти Вильсон, меняющей капельницу, где он находится и что с ним произошло, не выражая при этом абсолютно никаких эмоций. Не получив ответа, только через пару дней он повторил свой вопрос, добавив при этом:

— Скажите, девушка, кто я такой?

Получив к этому времени соответствующий инструктаж, Бетти на русском языке объяснила Шев-

цову, где и когда он был найден и что в настоящее время он находится на территории Королевства Марокко в военном госпитале. Вопрос о том, кто он такой, Бетти сильно удивил, и она пообещала незамедлительно доложить о нем начальству. В тот же день «начальство» в лице Алекса Тэйлора сфотографировало пациента, потерявшего память, и медсестра сообщила Шевцову, что в целях установления его личности будет направлен запрос в советское консульство.

Обеспокоенный возникшим обстоятельством, Браун после телефонного сообщения Тэйлора сразу же прибыл в госпиталь. Состоявшийся разговор с доктором Гонсалесом, травматологом по специальности, ни к какому результату, естественно, привести не мог. Хотя доктор и склонялся к мнению, что подозревает у пациента амнезию, но полная она или частичная — можно выявить только во время беседы с больным, если на это будет санкция.

— В любом случае, господин Браун, нужны специалисты, которые сумеют распознать ее характер — временный он или постоянный, ретроградная это амнезия или еще какая.

— Что значит — ретроградная, мистер Гонсалес?

— При ретроградной амнезии больной не помнит ничего до момента травмирования. Это все, что я знаю об этом недуге. Извините, господин Браун.

Рассказав о разговоре с доктором Алексу, Джейсон спросил:

— А ты что думаешь, русский на самом деле себя не помнит или притворился дураком?

— Видишь ли, дружище, мне кажется, меня вызвали сюда не думать. Из той информации, которой

я располагаю, совершенно невозможно понять, что происходит.

— Ну хорошо. А скажи, Алекс, ты с сочувствием относишься к русскому?

— Не сверли меня своим взглядом, Джейсон. Он мне не друг, — безразличным тоном ответил Алекс. — Но и не враг. Так что не задавай провокационных вопросов.

— Ты неправильно понял меня, Алекс, — попытался неуклюже оправдаться Джейсон. — Просто в скором времени тебе придется устанавливать с Шевцовым контакт, поэтому мне хотелось узнать твое отношение к нему.

Вскоре из Лэнгли прибыли для консультаций два сотрудника аналитического отдела разведывательного департамента, компетентные в вопросах психиатрии и психологии. Была создана врачебная комиссия в составе прибывших из Вашингтона, лечащего врача Майкла Гонсалеса, Джейсона и Алекса. В течение двух часов Шевцову задавали перекрестные вопросы, по результатам ответов на которые импровизированная комиссия пришла к выводу, что пациенту правомочно поставить диагноз «полная ретроградная амнезия».

* * *

Алекс вошел в палату к Шевцову и увидел его задумчиво стоящим у окна. Алексей опирался одной рукой на трость, другой раздвинул жалюзи, словно пытался рассмотреть за окном разгадку своего существования вообще и в этой экзотической стране в частности.

Алекс спросил на правильном русском языке:

— Как вы себя чувствуете?

Шевцов от неожиданности вздрогнул и удивленно оглянулся. Он знал, что за спиной кто-то стоит и наблюдает за ним. И удивился не присутствию постороннего человека в палате, а русской речи, которую услышал.

Нет, это случилось не впервые: на родном языке он постоянно общался с молоденькой симпатичной медсестрой Бетти Вильсон. Она же выступала и в качестве переводчика при общении с остальным медперсоналом. С самого начала, как только Шевцов пришел в себя, он понимал, что вся его прошлая жизнь связана с Советским Союзом, поскольку думал и разговаривал он на русском языке. Он ориентировался в географическом положении и политической обстановке. Но этим и ограничивалось его представление об окружающем мире. Надежда появилась при направлении в советское консульство запроса с его снимком и рухнула окончательно, когда доктор Гонсалес сообщил, что сведениями о пропаже советских граждан на территории Марокко советское консульство не располагает.

И вот теперь с ним заговорил на русском языке мужчина, которого Шевцов видел в своей палате всего несколько раз, не имея представления о том, кто он такой.

— По сравнению с теми, кто уже не в состоянии вообще что-либо чувствовать, я в порядке, — мрачно ответил Шевцов.

— О! — воскликнул Алекс. — У вас порядок с самым, на мой взгляд, главным человеческим качеством — чувством юмора. Все остальное наладится.

— Я так думаю, что спрашивать вас относительно моей личности бесполезно. Скажите хотя бы, почему, не располагая обо мне никакими сведениями, все меня зовут Алексеем?

Не ожидая такого вопроса, Алекс брякнул первое, что пришло на ум:

— Вообще-то, это была моя идея так вас назвать. Дело в том, что меня зовут Алекс. Алекс Тэйлор. Вот я и предложил начальству пока, до выяснения определенных обстоятельств, называть вас именем, созвучным с моим. Мне показалось, что вы ничего не имеете против. Или я не прав?

Шевцов пропустил его вопрос мимо ушей:

— А какое начальство вы имеете в виду?

— Ну, об этом потом, — уклончиво ответил Алекс. — Сейчас вам принесут цивильную одежду — хватит щеголять в госпитальных пижамах. Нет, не вашу — она пришла в негодность. И я организую вам вылазку из этого, очевидно, опостылевшего вам здания.

От такого известия Алексей заметно оживился. Но когда в палату вошла Бетти с пакетами в руках, Алекс в его глазах прочел нечто, позволяющее сделать определенные выводы. При этом подумал: «Джейсон свое дело знает — эта девочка отлично справляется со своей ролью».

Выйдя из здания, они прошлись по тенистым аллеям вблизи госпиталя. Алексей слегка прихрамывал, опираясь на трость, которую он не решался оставить, скорее по привычке, нежели по необходимости. Когда они подошли к стоявшему поблизости армейскому джипу, взгляд Шевцова остановился на пропуске под лобовым стеклом. Но все надписи на нем были

на арабском языке. Он вопросительно взглянул на Алекса.

— Да, — кивнул Алекс и открыл дверцу, помогая Алексею занять место пассажира. — Прокатимся. Может, что-нибудь вспомнится.

Они проехали километров около тридцати на юг.

— Давай разомнемся немного, — предложил он и первым вышел из машины. — Я всегда здесь останавливаюсь, когда случается ехать по этой дороге. Взгляни вон в ту сторону. Что ты видишь?

Шевцов, сощурившись от яркого солнца, посмотрел в указанном направлении и неуверенно пожал плечами.

— Это аэропортовские строения, — пояснил Алекс, — мы с тобой сейчас стоим в створе взлетно-посадочной полосы, которая расположена в километре отсюда. Самолеты, заходящие на посадку, пролетают здесь на высоте не выше восьмидесяти метров. Ну очень впечатляющее зрелище! — От взгляда Алекса не ускользнуло легкое беспокойство, охватившее Шевцова. — А теперь посмотри в сторону океана. Кажется, семьсот сорок седьмой «Боинг» снижается.

Огромная махина, ощетинившись четырьмя гондолами двигателей, выпущенными шасси и всей механизацией крыла, словно висела в воздухе без движения. Но уже через минуту это чудо человеческого разума с ревом пронеслось у них над головами и вскоре мягко коснулось невидимой взлетно-посадочной полосы. На очереди висел еще один корабль, чуть поменьше, но тоже впечатляющий своими размерами.

Так они простояли еще минут десять. В то время как Алексей не сводил глаз с очередного идущего на

посадку лайнера, Алекс внимательно наблюдал за его реакцией и видел в глазах Шевцова то любопытство, смешанное с восторгом, то удивление, переходящее в растерянность. В какой-то момент ему показалось, что Алексеем начало овладевать беспокойство. Он не знал, куда пристроить руки, которые внезапно как будто начали что-то искать помимо его воли.

Алексей повернулся к Тэйлору и попросил сигарету. Прикурив, жадно затянулся несколько раз подряд.

— Ты курил раньше, — то ли спросил, то ли констатировал Алекс.

— Я не помню, но ощущения знакомые, — мрачно произнес Алексей. Он выбросил окурочек и пошел к машине, разглядывая на ходу свои руки.

Алекс резко взял с места, утопив педаль газа до пола. Возвращались молча. Проплывающий мимо пейзаж больше не интересовал Алексея. Он откинул спинку сиденья и, закрыв глаза, то ли задремал, переутомленный избытком свежих ощущений, то ли изобразил видимость, что спит. Алекс не беспокоил своего пассажира. Он силился понять, что мог ощущать потерявший память сбитый летчик, наблюдая в нескольких десятках метров над собой идущие на посадку самолеты — одну из самых зрелищных картин в авиации.

— Возвращаю вашего пациента в целостности и сохранности, Бетти! — весело произнес Алекс, встретившись с укоризненным взглядом медсестры, когда они поднялись на второй этаж.

— Вы ужасно легкомысленны, Алекс. Разве не видите, что ему тяжело ходить после перенесенных операций? — ответила Бетти, беря под руку Алексея.

Несмотря на строгость тона, по блеску глаз Бетти Алекс начал кое о чем догадываться. Он наклонился к ее уху и вполголоса произнес:

— Милая Бетти! Не исключено, что в скором времени твой драгоценный пациент будет переведен из госпиталя в другую организацию. Но ты можешь сделать так, что он задержится здесь еще на неопределенный срок.

— Что именно я могу сделать? — не ожидая подвоха, машинально спросила, слегка покраснев, медсестра.

— Сломать парню ногу! — Алекс громко захохотал.

— Вы дурак, Алекс! — с деланным возмущением произнесла Бетти.

«Ну что ж, — подумал Тэйлор. — Вторым раз за день я почувствовал нечто, что может внести коррективы в дальнейшее развитие событий. Вопрос только в том, стоит ли сейчас информировать об этом Джейсона».

* * *

В течение двух недель Алекс продолжал вывозить Шевцова за пределы Центра. И всякий раз при виде простых вещей Алексей делал для себя какие-то открытия. Постепенно сомнения, которые все еще оставались у Алекса по поводу амнезии русского летчика, отпали.

Однажды он долго о чем-то разговаривал с медсестрой, после чего сообщил Алексею, который к этому времени уже заметно окреп, что вынужден на некоторое время отлучиться по неотложным делам. С Алексом у Шевцова стали завязываться приятельские от-

ношения. И все-таки он несколько не расстроился от его неожиданного сообщения. Тому была веская причина — Тэйлор оставлял его целиком и полностью на попечение Бетти Вильсон, этой очаровательной молоденькой женщины, к которой как-то незаметно для себя Алексей почувствовал возникшее, как ему показалось, ранее неведомое странное чувство. Это чувство усиливалось с каждым днем, пока не настал момент, когда он физически стал ощущать отсутствие Бетти.

В то утро она вошла в его палату, чтобы совершить ежедневную процедуру с лекарствами. Бетти присела на край кровати и, не произнеся ни слова, решительно взяла его за руку и положила ее на свое обнаженное колено. Алексей увидел, что нижняя пуговица белоснежного халата как будто случайно расстегнулась. Он почему-то закрыл глаза и медленно повел руку выше колена, ладонью ощущая теплоту внутренней стороны бедра. Он ожидал гневной реакции на свой внезапный выпад, но вместо этого Бетти всем телом подалась к нему. Алексей в ту же секунду понял, что халат был единственным предметом одежды на ее нежном молодом теле.

Бетти отдалась Алексею с таким диким напором и такой страстью, как будто делала это последний раз в жизни. Раскинувшись на широкой кровати и тяжело дыша, они молча смотрели в потолок. И, еще толком не придя в себя после первой близости, с таким же остервенением бросились в объятия друг друга, чтобы вновь ощутить то непередаваемое чувство единения двух истосковавшихся друг по другу тел.

Потом Бетти залезла к Алексею под одеяло, крепко прижалась к нему всем телом и закрыла глаза.